

Андрей Минаков

Рец. на: В.Ф. Романов. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб.: Нестор-История, 2019. 712 с.

Andrey Minakov

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

Rec. ad op.: V.F. Romanov. Starorezhimniy chinovnik (iz lichnykh vospominaniy ot shkoly do emigratsii. 1874–1920 gg.). Saint Petersburg, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722040264, EDN: JBWVBW

Владимир Фёдорович Романов до недавнего времени был известен в основном исследователям чиновного мира России конца XIX – начала XX в. Несмотря на сравнительно скромное положение в бюрократической иерархии, он оставил довольно объёмные и содержательные воспоминания, которые теперь опубликованы и наверняка обретут множество новых читателей. Чем же интересны его мемуары?

Сам автор видел в них «материал для характеристики качеств и быта русского служилого класса» (с. 23). Он достаточно традиционно перебирал в памяти эпизоды своего детства, учёбы, описывал места службы и встречи с примечательными фигурами, заостря внимание на тех эпизодах прожитой жизни, которые были ему интересны. При этом, освещая разные периоды, он вновь и вновь возвращался к социокультурным особенно-

стям своих современников, к оценке самодержавной системы управления и её готовности к радикальной трансформации общественных отношений и чрезвычайным вызовам времени.

Карьера Романова продвигалась без каких-либо взлётов. Несколько лет он менял ведомства, занимая малозначимые должности делопроизводителя и чиновника по особым поручениям и время от времени заседая в бесконечных межведомственных совещаниях. В начале Первой мировой войны, став товарищем председателя Комитета Российского общества Красного Креста (РОКК) на Юго-Западном фронте, он переехал в Киев и, как оказалось, надолго. Накануне Февральской революции статский советник Романов уже не без основания считал себя знатоком сильных и слабых сторон административной машины, неплохо разбирался в типах управленцев, из первых уст

знал о ситуации на фронте. В 1918 г., после установления в Киеве власти П.П. Скоропадского, Романов совмещал деятельность в Красном Кресте с обязанностями товарища державного секретаря (заведовавшего делопроизводством правительства), а затем — сенатора Украинской державы. Падение гетмана вынудило Владимира Фёдоровича перейти при петлюровцах и большевиках на «подпольное существование», а в марте 1920 г. он эмигрировал из Новороссийска в Королевство СХС, где занял пост уполномоченного по устройству русских беженцев (впоследствии состоял там председателем Белградского отдела и членом окружного совета Русской беженской организации). 26 апреля 1929 г. Романов скончался в Белграде (с. 17).

Работая над текстом в начале 1920-х гг., мемуарист не скрывал своих монархических убеждений. Ещё в студенческие годы у него «начало развиваться обожание молодого императора в духе описанного Толстым преклонения молодого графа Ростова перед Александром I» (с. 91). К концу обучения он «был уже консервативных политических убеждений» и собирался поступать на службу в МВД (с. 91). Но со временем эти чувства и взгляды сменились отчуждением. «Я, как почти все русские интеллигенты, — признавался Романов, — несколько лет подряд находился под гипнозом кошмарных слов и понятий: “Распутин”, “безответственные влияния”, “сепаратный мир” и т.п.» (с. 396). В эмиграции, когда «причины царской трагедии воспринимались уже в шекспировских тонах, «старорежимный чиновник» писал: «Между царём и русской интеллигенцией, как я упоминал выше, воздвигалась стена, прекращалось взаимное понимание по мере того, как царь замыкался в себе и своей семье, не доверяя искренно-

сти и честности интеллигенции и всё более и более проникаясь мыслью, что настоящим носителем заповедей Бога и душевной чистоты является простой русский мужик... Перейдя поэтому психологически на сторону простонародья, он должен был в отношении интеллигенции оказаться на таком же расстоянии, как последняя от народа» (с. 396—397). А поскольку «между нами и мужиком была пропасть», то, «перестав понимать царя как первого гражданина империи, мы начали оскорблять его как человека-семьянина», и «это ещё более должно было сделать его замкнутым, далёким от нас». Романову хорошо запомнилась последняя встреча с императором в 1916 г. в киевском Софийском соборе: «С ледяным, без всякой обычной приветливости взглядом прошёл царь с наследником, на ходу слегка кивая головой. Мы и он были тогда чужими, не понимающими друг друга, как будто бы сотня “барин” встречала не доверяющего им “селяка”» (с. 397).

В книге можно найти зачастую неожиданные характеристики таких представителей высшего чиновничества, как Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, П.А. Столыпин, кн. М.И. Хилков, А.Н. Куломзин, В.И. Гурко, Б.Е. Ивановичий и др. В Сипягине автор видел «тип богатого барина-помещика» и «ретрограда», «не подготовленного ни к какой деловой работе». И даже его «манеры, некоторая величавость и ласковость их, не могли укрыть от наблюдательного глаза, что перед ним не деловой и не умный человек» (с. 114, 151). Противоположное впечатление производил Плеве (под началом которого, впрочем, Романов не служил), казавшийся «человеком государственной складки ума»: «мужественный, сильный волей и умный человек», «с очень большими знаниями и опытом чиновник» (с. 151—152). С восхищением отзывался мемуарист

о Столыпине, отмечая не только его организаторские и ораторские способности, но и редкое обаяние: «Это был человек, которому нельзя было не верить, даже при мимолётном знакомстве с ним. В каждом слове С[толыпина] выражалась искренность, нравственная порядочность и воля» (с. 141, 257, 275). Гурко изображён Романовым как «властный», но «умный, смелый и любящий риск» чиновник (с. 136, 153). «Выдающийся бюрократ» Куломзин — как самодур (с. 143), известный специалист по делам инородцев, будущий якутский и енисейский губернатор И.И. Крафт — как любитель женщин и «весёлых походов» (с. 138).

Множество командировок, особенно в период службы в Главном управлении землеустройства и земледелия в 1906—1914 г., давали Романову обильную пищу для размышлений о разнообразных аспектах правительственной политики на местах, в частности, в Приамурье. Там он с сожалением констатировал, что «колониационного плана не было, была разрозненная деятельность ведомств, ибо побережье рассматривалось не как колония величайшей ценности и значения, а как обыкновенный захолустный уезд» (с. 271). Анализируя увиденное на Дальнем Востоке, Романов обоснованно критиковал сложившуюся практику, при которой в окраинные губернии, «где не было должного общественного контроля в виде выборных земских и дворянских учреждений, назначались наименее опытные администраторы». Между тем «в деловом отношении, в смысле разнообразия и ответственного значения действительно крупных культурно-колониационных задач, губернаторство в Забайкалье или Приамурье, например, требовало гораздо больших инициативы, знаний и опыта, чем где-нибудь в Москве, Киеве»

(с. 228). Огорчало его и то, что Департамент общих дел МВД являлся «фактическим вершителем судеб нашей администрации — губернаторов и вице-губернаторов», которые полностью зависели от министерства (с. 112).

Тяжёлым испытанием для Романова стала Первая мировая война. «Я ненавижу войну, — признавался он, — как проявление самых грубых, звериных инстинктов человека, как позорное несчастье — болезнь человечества» (с. 316). В первые военные месяцы в стране наблюдался «несомненный подъём патриотического чувства, было несомненное единение народа с царём, как с его высшим на земле представителем, был искренний порыв и желание победы над врагом» (с. 316). Однако, посещая фронтную зону по делам Красного Креста, мемуарист вскоре «обнаружил в себе отсутствие храбрости, так как оставаться внешне спокойным в момент опасности — это ещё... не значит быть храбрым» (с. 341). Во всяком случае, «с чувством большой, как всегда, чисто животной радости» он «уезжал из района пушек и пулемётов, затем аэропланов, приближаясь к местам, где тогда не было ещё орудий смерти» (с. 347). Так или иначе, во второй половине февраля 1917 г. Романов «наполнял душу уверенными мечтами, что скоро, самое большее через год, конец войне, без сомнения победной, так как наша армия снабжена во всех отношениях образцово, а немцы выдыхаются, и начнётся мирная тихая жизнь с неизбежным спокойным прогрессом во всех направлениях» (с. 368). Вместе с тем неудовлетворённость «в своём служебном самолюбии» и критическая оценка «неудачных... шагов правительства» к концу войны сформировали у него «настроение или убеждение, заставлявшее желать политического переворота как надежды на нечто лучшее» (с. 281).

Главу, повествующую о событиях 1917–1920 гг., Романов назвал «Смутное время». Для автора оно превратилось в личную душевную драму. Свержение монархии обмануло его ожидания: «Если бы мы, русская интеллигенция, ясно сознавали, могли бы предвидеть, кто восторжествует, какие идеалы будут поставлены через несколько дней после переворота, то большинство из нас предпочло бы потерпеть, чем торопиться с этим переворотом» (с. 371). Жителей Киева терзала перманентная смена власти. Петлюровский режим запомнился Романову тем, «как много было случаев, когда мирные человеческие крестьяне, от которых нельзя было ожидать никакого зла, внезапно зверели, жгли, резали, грабили, убивали помещиков, не плохих, а самых преданных народу, как только среди них появлялись “идейные руководители” из утопистов или каторжан» (с. 425). При большевиках манифестация классовой ненависти, кровавые репрессии, «жизнь под вечным страхом быть ограбленным, полное отсутствие порядка в городе, грубость и цинизм “товарищей” — всё это заставило даже патриотически настроенных людей ожидать с нетерпением немцев, как единственного якоря спасения» (с. 408). При этом «сначала многие возмущались произвольными зверствами большевиков... но когда стало совершенно очевидно, что мы имеем дело с небольшой сравнительно группой психически больных людей и массой окружавших их уголовных преступников, возмущение заменилось простым чувством осторожности, мерами, которые принимаются против укусов бешеной собаки, ядовитой змеи» (с. 436).

Впрочем, и к перспективе обновления страны Добровольческой армией Романов относился скептически, хотя и симпатизировал её честным и патриотично настроенным лидерам.

«Я чувствовал, — отмечал он, — что в лице Деникина Россия имеет безупречно чистого, честного гражданина. Его речи по образности и силе их напоминали столыпинские. Но какая же программа, кто исполнители её? Ни того ни другого уловить нельзя было... Не монархизм, но масса монархистов, не социализм, но масса утопически-лживых писаний в прессе с обычными нападками на буржуазию, черносотенство реставраторов и т.п. Здесь были хотя и не большевики, но люди, взаимно не объединённые и друг другу не верящие» (с. 461).

Публикаторы сумели качественно передать текст нечёткой машинописной копии воспоминаний Романова, сохранившейся в ГА РФ (ф. Р-5881, оп. 2, д. 598) и датированной 1922 г.¹ Однако название её третьей части «Первая великая европейская война и смута в России» заставляет задуматься о том, когда именно и кем был подготовлен и исправлен данный «машинописный экземпляр». В «Археографическом экскурсе» указано, что «в тексте употребляются *i*, *яти*» (с. 20). Но из этой фразы не вполне понятно, выполнен ли он в соответствии с до-реформенной орфографией или имеет только отмеченные её черты.

Публикация снабжена обширным научно-справочным аппаратом, состоящим из вводной статьи С.В. Куликова, посвящённой биографии В.Ф. Романова, «археографического экскурса» Д.Н. Шилова, аннотированного именного указателя и шести включённых в виде приложений документов. Добротные комментарии, к сожалению, не всегда раскрывают источник сообщаемых сведений и порою носят дискуссионный характер. Так, слова Романова о надеждах на либеральный курс Николая II сопровождает спорный и, по сути, излишний комментарий (с. 101), в котором говорится о либеральных убеждени-

ях последнего российского императора. В нём, в частности, приведено свидетельство кн. В.А. Оболенского о том, что «многие верили в либерализм молодого монарха и надеялись, что настал конец беспросветной реакции царствования Александра III». На этом цитата обрывается, хотя далее князь пишет о том, что «через месяц всем этим иллюзиям настал конец после знаменитой речи о “бессмысленных мечтаниях”, произнесённой молодым монархом на приёме депутатов от земства и дворянства»².

В других случаях комментарии отсутствуют там, где они были бы полезны для понимания описываемых мемуаристом событий. Романов вспоминал, к примеру, про известие «об остановке добровольческих войск у Орла и затем о начавшемся совершенно неожиданно и непонятно для нас отступлении их» (с. 460). Речь шла о стратегическом поражении Добровольческой армии в Орловско-Кромском сражении 11 октября — 18 ноября 1919 г., но в примечаниях об этом ничего не сказано³.

В именном указателе биографические справки выстроены с нарушением принципа единообразия. Бросается в глаза диспропорция в объёме приводимых сведений: если о единожды упомянутом финансовом деятеле С.М. Гутнике можно узнать немало деталей, то о кн. В.П. Мещерском или Г.Е. Распутине сказано совсем мало (с. 653, 669). А.Н. Апухтин или А.Н. Майков обозначены исключительно как «поэты», хотя оба длительное время находились на государственной службе (с. 599, 650). Структура аннотаций также неоднородна. Например, во многих из них отмечены обстоятельства кончины («умер в эмиграции», «расстрелян большевиками», «убит матросами» и т.п.), но в других

случаях они опущены, даже когда хорошо известны. У большинства певцов указан их вокальный диапазон, однако для Л.В. Собинова (лирический тенор) и Ф.И. Шаляпина (высокий бас) почему-то сделано исключение (с. 680, 699).

К сожалению, в указателе встречаются и фактические неточности. Так, вел. кн. Михаил Александрович был канонизирован в 1981 г. не Русской Православной Церковью (с. 654), а РПЦЗ⁴. В справках о Витте и Гутнике Императорский Новороссийский университет назван «одесским» (с. 607, 621). Ошибочно утверждение, будто Плеве окончил юридический факультет не в Московском, а в Петербургском университете (с. 664)⁵.

Тем не менее всё это не снижает ценности научного издания воспоминаний В.Ф. Романова, которые принадлежат к числу наиболее крупных мемуарных памятников, рельефно отображающих внутренний мир среднего чиновничества, до сих пор ещё мало изученного. Это хороший источник для исследователей самого широкого круга проблем политического, социально-экономического и культурного развития России, как поздней имперской эпохи, так и первых послереволюционных лет.

Примечания

¹ Этот труд взяли на себя А.В. Дыдыкин, Н.С. Петросян и Д.Н. Шилов при участии С.В. Куликова.

² *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 131.

³ Подробнее см.: *Минаков С.Т.* Орловско-Кромское сражение 1919 г. Орёл, 2009. С. 86–88.

⁴ *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 259.

⁵ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 135, 575.